

Из цикла «Ритмы Северной Ривьеры»

ОГНЕННЫЕ СТРОКИ

У него дома на рабочем столе и книжных полках стоят немецкие зажигалки, осколки снарядов и бомб, остаток корпуса сбитого вражеского бомбардировщика.

Боевая юность ленинградского школьника, комсомольца Игоря Западалова началась летом 41-го, когда четырнадцатилетний подросток разносил повестки военкомата, а вскоре осенью, окончив курсы младших командиров МПВО, стал командиром отделения противовоздушной обороны.

На счету отделения, которое дежурило на крышах в самом центре города, десятки потушенных бомб, участие в оборонных работах, строительство траншей и баррикад, а позже — помощь страдавшему от холода и голода населению.

В числе первых ленинградских школьников И. Западалов награждается в 1942 году медалью «За оборону Ленинграда». Добровольцем идет он в армию, служит в артиллерийских частях Ленфронта, встречает День Победы в освобожденной Прибалтике.

Сейчас ленинградский журналист, литератор И. Б. Западалов полон энергии и творческих сил: публикует свои литературные материалы и стихи в различных изданиях, в скором времени в издательстве выходит его книга стихов.

Воспоминания об огненных годах войны, о Великой Победе, забота о сохранении мира, о процветании любимой Родины, счастье детей — ведущая тема его стихов, публикуемых в ленинградских журналах, поэтических сборниках, газетах.

Сегодня мы предлагаем новые стихи И. Западалова, в том числе о нашем крае.

А. ПАУЛАУСКАС,
член Союза журналистов СССР
Фото автора

Сестрорецкий левша

О, когда на березе свой клюв, словно флейту, вздымая,
Напряжет себя в трели залетный знакомец скворец,
Я к тебе приезжаю в апреле иль в солнечном мае,
Город вешних разливов и славных легенд, Сестрорецк!

Здесь кирпич заводской источила истории копоть.
Звонкой зелени взрывы пронзительны, словно картечь.
Корпуса мастерских в котловане, как будто в окопе,
О делах оружейников держат правдивую речь.

Это сказ про Левшу и блоху, про народную нашу натуру.
Англичанин-мудрец утверждал, что наш русский мужик
Любит штык-молодец и хулит пулю-дуру,
Что в баталиях новых он к старой дубине привык.

Только странно тогда, как звонарь с Петропавловской церкви,
Что стояла над взморьем на самом высоком холме,
Возвестил на весь мир о российском большом фейерверке
В честь победы над шведом на море и на земле.

Только кажется казусом мало тогда вероятным:
В дни, когда Севастополь пальбы ураган сотрясал,
Восвояси ушла от Дубков англо-франков эскадра,
Ядра в злости бессильной в прибрежный песок разбросав...

Пил Левша, это правда, в холерном бараке валялся,
Темен был, как руда или порох, в рубахе скреб вшей,
Но за что б он рукою любой, даже левой, ни брался,
Выходило ладней, чем у самых хваленых правшей.

Всех правшей заграничных, всех наших домашних,
Столичных,

Олонецкий, теперь сестрорецкий, мужик
Мог за пояс заткнуть на народе, публично и лично,
Им, как мастер своим подмастерьям, салазки загнуть.

Самородков российских не меркнет в ненастье слава,
И в тяжелые годы не стал мастерству их конец!
Вот зачем приезжаю я слушать родные октавы
Твоих трелей, прилетный знакомец скворец!

В дороге

Мнутся осины сиреневым свитком,
Гнутя рябины под тяжестью бус,
Словно из цельного золота слитка
Выкован клена раскидистый куст.

Вроде и небо еще с бирюзью,
Да и у солнца веселый прищур,
Только все это уже показное,
Декоративное чересчур.

Знаю и я, да и ты это знаешь:
Не остановишь пожар-листопад.
Что же, шофер, за баранкой вздыхаешь?
Жалко асфальта кольчуги и лат?

Видишь, как в листья дорога оделась,
Грудью пригорков вздымает доспех?
А из приемника — экая смелость! —
Голос грудной ненапевшихся пьех.

Так мчись под колеса, сиреневый свиток!
Пусть тяжек грибной наш и ягодный груз,
Широкой ладонью из золота слитка
Приветливо машет кленовый нам куст.

ЗИМА. Деревья голы.
На ветках — ни листка.
Снежинки, словно пчелы,
Летят издали.
И рыжей образиной,
Залив вишневым снегом,
В залив необозримый
Ложится солнца мех.
Березы, как гусары.
Ну, чем не мюзик-холл!

Северная Ривьера

Построенные в пары,
Гарцуют на бугор:
В перчатках и лосинах,
Белеющих, как мел.
И абрис шхуны синей
Лег льдиною на мель.
Скрипит дорога рисом.
Все громче сосен шелк.
И клюквою Матисса
Румянец милых щек.

ИГОРЬ
ЗАПАДАЛОВ

На курорте

Сюда автобусы не ходят.
И запах жженных листьев
горек.
Но что с тобою происходит,
Когда садишься ты за столик?

Намазываешь бутерброды,
А нож застыл и масло тает,
Как будто сердце ждет
кого-то,
Словно чего-то не хватает...

Да, был апрель, и мчались
танки
Под Кенигсбергом
на рассвете...
Теперь наград сверкают
планки.
Ты — на курорте, на диете.

С утра хотел, как прежде,
город
Весь обежать, словно
мальчишка,
Но что-то вдруг сдавило
горло,
И ты закашлялся в одышке.

У памятника на скамейке
Сел отдохнуть, а мысли,
мысли
Бегут и жалят, словно
змейки.
И вспомнил ты бои на Висле.

Дрожали танки, как в ознобе,
Почувствовав реки остуду.
Тебя рвануло. В ноги. В обе!
И если ходишь, значит, чудом.

В твоем былом грохочут
танки,
Хоть и живешь ты в жизни
новой
Сверкают ветерана планки
Над белой скатертью
в столовой.

В дюнах

Времен Андреева и Горького
И горькой дружбы их времен
Стоят здесь дачи над пригорками,
У каждой башенка, балкон.

За их резьбою деревянною,
Мозаикой цветной стекла
Жизнь удивительная, странная
В начале века протекла.

Здесь жили модные писатели
С бородками а ля мужик,
Скитались жен их почитатели
Вблизи курзала, как паж.

С шампанским, устрицами, дамами
Сюда съезжалась летом знать,
С веранд с распахнутыми рамами
На тающий закат вздыхать.

А в дни больших престольных праздников
На пляже буйственно пьяна,
Толпа разнузданных лабазников
Кричала: «Женщин и вина!»

И лишь один поэт меж дюнами
Внимал призывный моря гул
И видел Незнакомку юную
На том, на дальнем берегу.

Теперь иные здесь хозяева.
Пенсионер и пионер
Глядят, дивясь, сквозь рам мозаику
На красный сад, на синий сквер.

Но им-то что! А мне втемяшется:
Глаза чуть-чуть прикрой — и вот
В калитке чья-то тень покажется,
И дама в черном в сад войдет.

Рыбаки в поезде

В вагонах первых электричек
Их видишь в валенках, плащах.
По тамбурам при свете спичек
(Ох, уж инерция привычек!)
Ведут рассказы о лещах,
Об окунях и о мормышках.
Прогнозы строят: лед каков?
И сигарет дешевых вспышки,
Назло инфарктам и одышке,
И рыбный дух от рюкзаков.

И вызывает уваженье
Немногословный их язык,
Заросших смуглых скул движенье
И к «дачнику» пренебреженье
За то, что бриться не отвык.
Вот моряки и корабли!
Для них ли ходят поезда?
Они прокурены и смелы.
Им бы Колумба каравеллы,
А не в Зеленогорск езда.

Умом я знаю: в ранний вечер
Сиденья-ящики за плечи
Закинут эти рыбаки
И от торосов, из залива
Пойдут на берег торопливо,
От ветра пряча кадыки.
Спроси: попалась ли рыбешка?
Ответит молодой: «Немножко!»
А пожилые промолчат.
Но сердцем верю: нет счастливей
Людей, сидящих на заливе
С утра до сумерек подряд.

С короткой удочкой у лунки,
Они и лоцманы и юнги,
И каждый, в общем, — капитан.
А лески, звонкие, как струнки,
Ушли в бескрайний океан.
Раскроет глубь свои секреты:
Законы, тайны и декреты.
В просторе водном нет границ!
Спираль-дымок от сигареты.
Пульс всех морей родной планеты
Стучит сквозь наледь рукавиц.